

Влияние распада Югославии на формирование балканского направления внешней политики Турции (1991–1998)

Д. А. Москальчук

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
danila_moskalchuk@mail.ru

Аннотация.

В статье рассматривается внешняя политика Турции в отношении стран бывшей Югославии в 1990-е годы – период распада СФРЮ и обострения этнорелигиозных конфликтов на Балканах. Цель исследования – выявление факторов, определивших трансформацию турецкой внешней политики от осторожного нейтралитета к активному вовлечению в региональные процессы. Особое внимание в работе уделяется роли религиозной, этнической и культурной идентичности в формировании балканского вектора Анкары. В статье используется историко-сравнительный метод изучения первичных источников, а также анализируются работы ведущих турецких и зарубежных исследователей. Особое внимание уделено интерпретации идеологических сдвигов – от кемалистского гражданского национализма к озалистской концепции, сочетающей турецкую идентичность с исламским наследием Османской империи. Одним из перспективных направлений данного исследования является сопоставительный анализ позиции Турции в отношении к стремлению боснийских мусульман и косовских албанцев обрасти национальное государство. Автор полагает, что подобная реализация разновекторного и адресного подходов к решению конфликтов на территории Западных Балкан в значительной степени оказала влияние на последующую стратегию выстраивания отношений между Турцией и странами бывшей Югославии, а также заложила базу для развития новых проектов в рамках инструментария «мягкой» и «умной» силы. Результаты исследования демонстрируют, что внешняя политика Турции в 1990-е годы была противоречивой и определялась балансом между стремлением к региональному лидерству, внутренними политическими рисками и давлением международных акторов, прежде всего США и НАТО. Анкара выработала гибкий внешнеполитический курс, который соответствовал постоянно меняющейся обстановке в регионе. Подобный подход претерпел изменения после прихода к власти Партии справедливости и развития в ноябре 2002 года, но вместе с тем сохранил свою актуальность и лег в основу современного внешнеполитического курса Анкары на Балканах.

Ключевые слова: Турецкая Республика, Федеративная Республика Югославия, Босния и Герцеговина, Республика Косово, публичная дипломатия, «умная сила», НАТО

Для цитирования: Москальчук Д. А. Влияние распада Югославии на формирование балканского направления внешней политики Турции (1991–1998) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 9–15.

Original article

The Impact of The Breakup of Yugoslavia on the Formation of the Balkan Direction of Turkey's Foreign Policy (1991–1998)

Danila A. Moskalchuk

St. Petersburg State University, St-Petersburg, Russia
danila_moskalchuk@mail.ru

Abstract.

The article examines the evolution of Turkey's foreign policy strategy towards the countries of the former Yugoslavia in the 1990s, the period of the collapse of the SFRY and the intensification of ethno-religious conflicts in the Balkans. The aim of the study is to identify the factors that determined the transformation of Turkish foreign policy from cautious neutrality to active involvement in regional processes. In this work, special attention is paid to the role of religious, ethnic and cultural identity in shaping Ankara's Balkan vector. This article uses the historical and comparative method, the study of primary sources, as well as the involvement of works by leading Turkish and foreign researchers. Special attention is paid to the interpretation of ideological shifts – from Kemalist civic nationalism to the Ozalist concept combining Turkish identity with the Islamic heritage of the Ottoman Empire. One of the promising areas of this research is a comparative analysis of Turkey's position in relation to the aspirations of Bosnian Muslims and Kosovo Albanians to establish a national state. The author believes that such an implementation of multi-vector and targeted approaches to conflict resolution in the Western Balkans significantly influenced the subsequent strategy of building relations between Turkey and the countries of the former Yugoslavia, as well as laid the foundation for the development of new projects within the framework of the toolkit of "soft" and "smart" power. The results of the study demonstrate that Turkey's foreign policy in the 1990s was contradictory and determined by a balance between the desire for regional leadership, internal political risks and pressure from international actors, primarily the United States and NATO. Ankara has developed a flexible foreign policy course that is in line with the constantly changing situation in the region. This approach underwent changes after the Justice and Development Party came to power in November 2002, but at the same time it remained relevant and formed the basis of Ankara's modern foreign policy in the Balkans.

Keywords:

Republic of Turkey, Yugoslavia, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, public diplomacy, smart power, NATO

For citation:

Moskalchuk, D. A. (2025). The impact of the breakup of Yugoslavia on the formation of the Balkan direction of Turkey's foreign policy (1991–1998). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 3(860), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развитие внешнеполитических связей Турции со странами бывшей Югославии приходится на рубеж 1980–1990-х годов – период стремительного политического, экономического и социально-го подъема Анкары, начало которого пришлось на конец холодной войны. Политика Тургута Озала¹, направленная на форсированное развитие страны, укрепление международного авторитета и переход к неолиберальной экономической модели, получила название «озализм». Во внешней политике Турции озализм выражался в форсированном развитии контактов с западными странами и решении возникших конфликтных ситуаций путем прямых переговоров. Т. Озал делал ставку на двусторонние отношения, предпочитая вести переговоры в первую очередь со странами, находящимися в непосредственной близости от Турции. Позитивные тенденции во внутренней повестке дня Турции и тектонические сдвиги в bipolarной системе международных отношений создали

благоприятные условия для того, чтобы Анкара перешла к активизации внешней политики.

Стремление Озала вывести Турцию на европейскую политическую арену и желание укрепить национальный авторитет в регионе не могли обойти своим внимание Югославию, которая в начале 1990-х годов испытывала колоссальный политический кризис. Балканское направление в 1990-е годы, наряду с центральноазиатским и европейским, стало одним из перспективных во внешней политики Турции. В результате распада СФРЮ² в 1991–1992 годах, кроме Союзной Республики Югославия, на карте появились три независимых республики (Словения, Хорватия, Македония) и ряд территорий, контроль над которыми взяли боснийские и косовские сепаратисты. Каждая из них с момента обретения суверенитета старалась найти как можно больше поддержки у мирового сообщества, тем самым доказывая право на свое существование.

Несмотря на то, что США и ряд европейских государств довольно быстро поддержали националистические правительства самопровозглашенных республик, Турция на начальном этапе

¹Тургут Озал – турецкий политический деятель; 1983–1989 годы – премьер-министр, 1989–1993 годы – президент Турецкой Республики.

²СФРЮ – Социалистическая Федеративная республика Югославия

отказывалась от признания независимости отколовшихся от СФРЮ субъектов. Одной из основных причин такой стратегии являлось то, что Югославия обеспечивала стабильную торговую связь Турции с Европой. Кроме того, Т. Озal не желал, чтобы Анкара, воспользовавшись слабостью регионального партнера, продвигала свое влияние среди мусульманского населения Югославии и была уличена в восстановлении османского наследия, попутно получив ярлык агрессора. Ахмет Давутоглу в своей книге «Стратегическая глубина» подробно описал формирование балканского вектора внешней политики Турции после окончания холодной войны. Согласно А. Давутоглу, в 1980–1990-е годы на первый план постепенно начала выходить этническая и религиозная принадлежность, поиск собственной социально-культурной и социально-политической идентичности. Примечательно, что этот процесс протекал одновременно как на Балканах, так и в самой Турции. Отход от политики гражданского национализма, явившегося краеугольным камнем кемализма, стал следствием развития центробежных сил на юго-востоке страны. Нежелание провоцировать курдский национализм и сепаратизм стало одной из многочисленных причин, по которой Т. Озal не спешил с признанием и поддержкой новых республик, вышедших из состава Югославии. В этих условиях формировалась концепция, согласно которой османское наследие выступало фундаментом для построения крепких международных связей с новыми участниками постбиполярного мира. Вполне логично в такой ситуации является то, что Турция для укрепления собственной позиции на Балканах использовала именно мусульманский фактор, в частности в Боснии и Герцеговине и Косово [Davutoğlu, 2011].

В результате кризиса Словения и Хорватия попали в орбиту франко-немецкого влияния, а Сербия и Черногория (на тот момент находившиеся в составе СРЮ) подтвердили свою пророссийскую ориентацию, параллельно выстраивая отношения с православной Грецией. Албанцы и боснийские мусульмане видели в Турции единственную страну в регионе, которая готова отстаивать их права. Турецкая общественность, несмотря на позицию центральных властей, явно симпатизировала мусульманскому населению, выставляя последних жертвами политических амбиций Слободана Милошевича. В таких условиях произошло обоядное сближение балканских мусульман и Анкары. Наблюдая этот процесс, администрация Озала предприняла ряд серьезных шагов на пути к укреплению как собственных позиций, так и положения мусульман в регионе. По мнению турецких исследователей, поток беженцев, последовавшая

финансовая нагрузка на Турцию и активизация сербского национализма стали причинами, по которым Анкара вынуждена была изменить свое отношение к ситуации в Югославии и ускорить процесс признания самопровозглашенных республик [Çalış, 2001].

В признании независимости Турцией Хорватии, Словении, Македонии и Боснии и Герцеговины просматривается не только сдвиг политической платформы Балкан, но и идеологическая эволюция внешней политики самой Турции. На протяжении долгого времени кемалистская Турция выстраивала диалог как с королевской, так и коммунистической Югославией. Такие отношения опирались на взаимное уважение суверенитета двух равноправных участников международных отношений. Анкара и Белград подчеркивали наднациональный и надрелигиозный характер взаимоотношений, стремясь к стабильным Балканам как залогу взаимного процветания. Однако поддержка Турцией независимости Боснии и Герцеговины вывела на политическую авансцену нового актора – религиозное меньшинство (боснийские мусульмане и албанцы), которые искали заступничества в лице сильной Турции.

Тему пересмотра внешнеполитической стратегии Турции в рассматриваемый период детально изучил турецкий исследователь Мухиттин Атаман. В своей статье М. Атаман предложил теорию, согласно которой Озal несколько модернизировал концепцию гражданского национализма, внедренную Ататюрком. Кемализм видел турками (*Türkler*) лишь тех, кто имел турецкое гражданство и проживал на территории Анатолии. Одновременно с этим остальные мусульманские группы нетурок и турки, исторически проживавших за пределами обозначенных границ, не подходили под критерий «турецкости». Т. Озal, в свою очередь, значительно расширил рамки понятия и включил в него балканских турок и мусульман. Национализм Озала представлял собой синтез ислама и турецкой идентичности и опирался на общее историческое, культурное и религиозное прошлое народов, проживавших на территории бывшей Османской империи [Ataman, 2003].

Между тем Анкара после признания независимости бывших республик СФРЮ стала более активно вмешиваться в дела региона, сочетая методы «твердой» и «мягкой» силы. Стремясь занять лидирующее положение в регионе, Турция выступила инициатором создания нескольких международных площадок, таких как ОЧЭС. Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе и Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы, которые, по выражению исследователя З. Тодоровича,

должны были создать «зонтик безопасности» над мусульманскими сообществами региона и поддержать боснийское и косовское движение за независимость. Немаловажным событием стало создание Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (*Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı, TİKA*), главной целью которого являлось поддержание и развитие межкультурных связей с тюркскими народами и странами, имеющими общее османское наследие [Todorović, 2020].

ТУРЦИЯ И БОСНИЯ

Незадолго до смерти Т. Озала Турция усилила поддержку мусульманского населения в регионе, сосредоточив свое внимание на решении боснийского кризиса. Наряду с былыми усилиями привлечь международное сообщество к конфликту в Юго-Восточной Европе, Турция возглавила коалицию исламских государств, которая оказывала существенную поддержку движению за независимость Алии Изетбеговича. В августе 1992 года турецкий МИД выступил с планом действий, который был представлен в ООН. Согласно первой части плана, сербские военизированные организации должны были сложить оружие и передать его представителям ООН. Во второй части были предложены меры силового принуждения к миру, которые заключались в бомбардировке ряда сербских военных и гражданских объектов. Поскольку сербская сторона не показала готовность принять план, Турция поддержала международную военную интервенцию в Боснию, подчеркнув, что выступает против любых односторонних шагов, которые мешают завершению конфликта. Предложение плана действий и поддержка международной интервенции в Боснию и Герцеговину стало явным шагом на пути отказа от политики компромисса, которую преследовал Т. Озал в решении югославского кризиса.

С этого момента Турция стала активно поддерживать боснийских мусульман. Вместе с поддержкой оружейного эмбарго против сербов, Анкара присоединилась к странам Ближнего Востока, которые поставляли оружие и боеприпасы армии Боснии и Герцеговины, состоявшей преимущественно из бошняков. Несмотря на то, что официальные власти отвергали все обвинения в нарушении эмбарго, во время одного из интервью бывший начальник Генерального штаба ВС Турции Доган Гюреш подтвердил отправку грузовых самолетов «с секретным оружием» в Хорватию, откуда оно переправлялось в Боснию. Этую же информацию подтвердили спутниковые снимки ЦРУ в 1994 году, когда обнаружили в Загребе

иранский грузовой самолет, который был замечен на одном из военных аэродромах Турции.

Важным моментом в развитии балканского вектора турецкой внешней политики стала организация переговоров между боснийскими хорватами и мусульманами, между которыми в 1993 году вспыхнул конфликт. Крах хорватско-мусульманской конфедерации грозился провалить фронт, предоставив тем самым армии Республики Сербской серьезное стратегическое преимущество. Чтобы предотвратить это турецкий министр иностранных дел Хикмет Четин дважды посещал Сараево, в результате чего стороны сели за стол переговоров и смогли добиться консенсуса в феврале 1994 года. Визит в Боснию и Герцеговину и Хорватию премьер-министра Тансу Чиллер официально закрепил за Анкарой роль главного медиатора в отношениях между хорватами и боснийскими мусульманами, что в дальнейшем способствовало созданию общей федерации и дальнейшему укреплению Турции в регионе [Demirtaş-Coşkun, 2011].

Вашингтон внимательно следил за тем, как Анкара выстраивала отношения с новыми балканскими республиками, в частности, с Боснией и Герцеговиной. Будучи союзниками по НАТО и разделяя общую позицию по отношению к конфликту, США тем не менее наблюдали, как расширяется влияние Турции на балканских мусульман и стремились перехватить инициативу в переговорном процессе. После того, как в июле 1995 года сербские войска взяли анклав Сребреница, мировое сообщество назвало это военным преступлением, и через месяц по инициативе США была начата военная операция «Обдуманная сила». Натовское вторжение нанесло серьезный удар по позициям сербских войск, в результате чего правительство Республики Сербской было вынуждено сесть за стол переговоров. Несмотря на все усилия Турции занять центральное место в процессе урегулирования конфликта, Вашингтон забрал всю инициативу в свои руки. 14 декабря в Дейтоне были подписаны мирные соглашения между Милошевичем, Изетбеговичем и Туджманом – представителями сербского, боснийского и хорватского энтиитетов. После подписания мирного договора президент Демирель ограничился поздравлениями всем троим участникам переговоров, а турецкие официальные лица заявили, что Дейтонские соглашения не были теми, на которые рассчитывала Анкара, однако это было лучшее из возможного [Demirtaş-Coşkun, 2011].

Куда более существенную поддержку от Турции Босния и Герцеговина стала получать от Турции после заключения Дейтонских соглашений, которые завершили гражданскую войну в Боснии.

В этот период Анкара стала последовательно развивать инструменты «мягкой» силы, делая из сотрудничества с Боснией и Герцеговиной пример обюджетного партнерства Турецкой Республики и бывших республик Югославии. Примечательно, что именно в Боснии было открыто первое представительство Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA), ставшего проводником интересов Анкары в регионе.

ТУРЦИЯ И КОСОВО

Поддержка косовских сепаратистов требовала от Турции большей решительности в действиях в связи с юридическим статусом территории. Если Босния и Герцеговина входила в состав в качестве социалистической республики СФРЮ и имела формальную возможность для выхода из состава федерации, то Косово и Метохия была автономной единицей в составе СР Сербия, и поддержка косовских албанцев означала прямое вмешательство в дела суверенного государства. В феврале 1992 года лидер косовских албанцев Ибрагим Ругова посетил Турцию, где выразил надежду на скорейшее признание независимости со стороны Турецкой Республики. Однако турецкая сторона, несмотря на готовность оказать гуманитарную помощь косовским албанцам, отказалась, заявив, что такой шаг идет вразрез с международными нормами [Çaputlu, 2019]. Кроме того, внутри Турции также не было единого мнения по отношению к ситуации в Косово. Та часть населения, которая открыто поддерживала единоверцев, оказалась в меньшинстве, в то время как большинство политиков и официальных лиц страны боялось, что вовлечение страны в конфликт создаст подобный прецедент внутри самой Турции, где роль «борцов за независимость» будет отдана курдам. В этой связи Анкара выбрала стратегию выжидания, которая заключалась в вялотекущей поддержке контактов как с Приштиной, так и Белградом. В этой связи примечателен тот факт, что в ходе боснийского кризиса 1992–1995 годов Анкара открыто выступала за мусульман, апеллируя к религиозному, культурному и историческому родству, однако в случае с косовскими албанцами этого не наблюдалось. Более того, Анкара практически не оказывала поддержку турецкому меньшинству, проживающему на территории региона, которое активно поддерживало сербов. Причиной холодного отношения Анкары к ситуации в Косово и Метохии являлся не только «курдский фактор» внутри самой Турции, но и наличие у албанцев, проживающих в Косово, собственного родственного государства (*kin-state*)

– Албании, в то время как у боснийских мусульман такого государства не было. Официальные лица Турции неоднократно заявляли о своих опасениях по поводу косовского сепаратизма. После Косово одной из главных целей боевиков стала бы Македония, более трети населения которой составляли этнические албанцы. Расширение географии конфликта могло бы погрузить регион в еще более сложный и глубокий кризис, что несло бы серьезный удар по интересам Турции на Балканах [Gangloff, 2004].

Отношение Анкары к кризису в Косово и Метохии стало отражением процессов, которые в это время протекали внутри самой Турции. Активная борьба левых и правых партий и восхождение исламистского движения – всё это оказалось влияние на позиции Турецкой Республики в решении косовского кризиса. Между тем, несмотря на активизацию различных радикальных движений, подавляющее большинство политического истеблишмента представляло себе последствия активного вторжения во внутренние дела иностранного государства, которое некоторое время назад являлось важным партнером в регионе. Иными словами, стратегия поддержки населения, имеющего общий социально-культурный базис, претерпела изменения, когда столкнулась с глубоким косовским кризисом, решение которого могло иметь самые неожиданные последствия.

Ситуация изменилась, когда международная коалиция во главе с США начали бомбардировку Югославии 24 марта 1999 года. Несмотря на отсутствие резолюции со стороны ООН, альянс разработал и провел операцию по принуждению правительства Сербии к заключению мира, выгодного для Запада. Турция, будучи членом НАТО, приняла активное участие в атаках на Сербию и Черногорию, выделив боевые самолеты и аэродромы для осуществления операции. Фактически главной причиной столь кардинальной смены отношения к косовскому кризису стали выборы в Турции в апреле 1999 года. В конце 1990-х годов на политической авансцене Турции оформилось несколько крупных партий, которые имели равную поддержку среди населения: Демократическая левая партия (DSP), Партия националистического движения (MHP), Партия добродетели (Fazilet Partisi), Партия Отечества (Anavatan Partisi). Несмотря на разницу в политических программах, практически все лидеры крупных партий обратились к религиозной идентичности и общему историческому прошлому с косовскими албанцами, чтобы привлечь голоса избирателей.

После завершения операции «Союзная сила» в июне 1999 года правительство Турции

вернулось на позиции пассивной поддержки косовских албанцев, стараясь возобновить контакт с Югославией. В 2001 году страны заключили ряд инвестиционных сделок, а также обменялись официальными визитами на уровне министерства иностранных дел, что стало первым политическим шагом на пути сближения после 1992 года.

Турция так и не смогла внести серьезный вклад ни в решение конфликта в Косово и Метохии, ни в поддержку косовских албанцев. Непоследовательная, порой противоречивая, внешняя политика по отношению к косовским албанцам, стала отражением внутриполитических процессов в Турции. Актуальность курдского вопроса и восхождение исламистских партий и движений поставило Анкару в затруднительное положение. Кроме того, Турция стремилась к стабилизации на Балканах, поэтому видела в поддержке косовского сепаратизма большую угрозу продвижению собственных интересов в регионе. Между тем накануне выборов в 1999 году практически все турецкие политические партии и движения, невзирая на разную идеологическую платформу, использовали нарратив о культурной близости с косовскими албанцами, чтобы мобилизовать общество, сочувствующее балканским мусульманам. В этой связи Анкара приняла участие в бомбардировках Югославии, а после отправила около 1 тыс. военнослужащих в качестве миротворческого контингента в Косово, продемонстрировав готовность поддержать единоверцев, несмотря на существующие международные нормы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При детальном рассмотрении действий Турции в решении боснийского и косовского кризисов, становится ясно, что внешнеполитический курс Анкары в 1990-е годы проявил достаточную гибкость, своевременно отвечая на вызовы, которые вставали перед интересами республики в регионе. После окончания холодной войны и во время распада Югославии Турция стала более активно расширять свое влияние в регионе, стремясь занять возникшую лакуну. Экономический подъем и стремление стать региональной державой стали причинами, по которым Турция стала выстраивать внешнеполитический вектор в соответствии со своими стратегическими интересами. Анкара придавала большое значение Балканам, где проходили важнейшие логистические маршруты, связывающие республику с Европой, вследствие чего Турция была заинтересована в скорейшем разрешении конфликта, возникшего в результате распада Югославии.

Кризис в СФРЮ в значительной степени оказал влияние на формирование балканской политики Турции. Клерикализация турецкого общества, растущая активность исламистов и поддержка населением мусульманских народов Югославии не могли оставить Турцию за рамками балканских конфликтов. В таких условиях политическое руководство Турции начало пересмотр внешнеполитической стратегии в сторону более активных действий, направленных на поддержку боснийцев и косовских албанцев с помощью сочетания инструментов «мягкой» и «жесткой» силы, привлекая внимание международных организаций.

Признавая Боснию и Герцеговину в качестве независимого государства, Анкара получила все необходимые полномочия, которые позволили ей более активно помогать боснийским мусульманам. Вместе с оказанием гуманитарной помощи Турция занималась техническим оснащением и подготовкой кадрового состава армии Боснии и Герцеговины. Апогеем вмешательства в боснийский конфликт стало непосредственное участие BBC и ВМФ Турции в поддержке оружейного эмбарго против Республики Сербской и бомбардировок позиций боснийских сербов.

В конце 1990-х годов на фоне активной поддержки боснийских мусульман за Турцией в западном медиапространстве закрепился образ защитницы балканских мусульман. Однако такой стереотип в некотором смысле «вредил» имиджу Анкары, которая активно стремилась войти в европейское политическое пространство. В таких условиях турецкое правительство было вынуждено проводить более гибкую политику продвижения национальных интересов на Балканах. Косовский кризис, который начался через несколько лет после подписания Дейтонских соглашений, не нашел в турецких политических кругах такого же отклика, как, например, поддержка боснийских мусульман. Между тем политическая ситуация, сложившаяся в республике накануне выборов в Великое национальное собрание 1999 года, требовала большей мобилизации населения. Выступление той или иной партии в поддержку косовских албанцев должно было привлечь избирателей из числа граждан, которые сострадали единоверцам, а готовящаяся операция НАТО по вторжению в Косово в некоторой степени снимала личную ответственность с Анкары.

В 1990-е годы внешняя политика Турции на Балканах во многом стала ответом на вызовы, которые стояли как перед страной, так и перед регионом. Лавирование между различными сторонами конфликта позволило Анкаре выработать гибкий внешнеполитический курс, который

соответствовал постоянно меняющейся обстановке. Адресный подход к каждому правосубъекту в регионе и сочетание «жесткой» и «мягкой» сил стали основополагающими элементами

балканского вектора внешней политики Турции. Подобный подход претерпел изменения после прихода в ноябре 2002 года к власти Партии справедливости и развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiyenin uluslararası konumu // Yetmişikinci basım. Küre yayınları. İstanbul, 2011.
2. Çalış Ş. Turkey's Balkan Policy in the Early 1990s // Turkish Studies. 2001. Vol. 2 (1), P. 135–146.
3. Ataman M. Özalist Dış Politika: Aktif ve Rasyonel Bir Anlayış // Bilgi Sosyal Bilimler Dergisi. 2003. No. 2. P. 49–64.
4. Todorović Z. Balkan – Turska spoljna politika (Neoosmanizam) – Srpski Odgovor // Сватор. 2020. No 21. С 91–113.
5. Demirtaş-Coşkun B. Turkish Foreign Policy toward the Bosnian War (1992–1995): A Constructivist Analysis // Karadeniz Araştırmaları. 2011. Vol. 28. P. 1–18.
6. Çaputlu Ö. Karşılaştırmalı bir İnceleme: Türkiye'nin 1990'lı yıllarda Bosna-Hersek ve Kosova krizlerine yönelik dış politikası // Barış Araştırmaları ve Çatışma Çözümleri Dergisi. 2019. Vol. 7(2). P. 49–78.
7. Gangloff S. Turkish policy towards the conflict in Kosovo: the preeminence of national political interests // Balkanologie. 2004. Vol. VIII. No 1. P. 105–122.

REFERENCES

1. Davutoğlu, A. (2011). Stratejik Derinlik. Türkiyenin uluslararası konumu. Yetmişikinci basım. Küre yayınları. İstanbul.
2. Çalış, Ş. (2001). Turkey's Balkan Policy in the Early 1990s. Turkish Studies, 2(1), 135–146. (In Turkish)
3. Ataman, M. (2003). Özalist Dış Politika: Aktif ve Rasyonel Bir Anlayış. Bilgi Sosyal Bilimler Dergisi, 2, 49–64.
4. Todorović, Z. (2020). Balkan – Turska spoljna politika (Neoosmanizam) – Srpski Odgovor. Сватор, 21, 91–113.
5. Demirtaş-Coşkun, B. (2011). Turkish Foreign Policy toward the Bosnian War (1992–1995): A Constructivist Analysis. Karadeniz Araştırmaları, 28, 1–18.
6. Çaputlu, Ö. (2019). Karşılaştırmalı bir İnceleme: Türkiye'nin 1990'lı yıllarda Bosna-Hersek ve Kosova krizlerine yönelik dış politikası. Barış Araştırmaları ve Çatışma Çözümleri Dergisi, 7(2), 49–78.
7. Gangloff, S. (2004). Turkish policy towards the conflict in Kosovo: the preeminence of national political interests. Balkanologie, 7(1), 105–122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Москальчук Данила Александрович
аспирант кафедры международных гуманитарных связей
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moskalchuk Danila Alexandrovich
Postgraduate student of the Department of International Humanitarian Relations
School of International Relations
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.04.2025
03.07.2025
08.10.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication